

Лебедев А. П. О нашем символе веры: (Рассмотрение и решение ученым протестантом одного важного в истории православия вопроса: С присовокуплением нового пересмотра того же вопроса) // Богословский вестник 1902. Т. 1. № 2. С. 266–298 (2-я пагин.). (Окончан

О НАШЕМЪ СИМВОЛѢ ВѢРЫ ¹⁾.

II.

(Область гипотезъ и благихъ желаній.—I. Изъ области гипотезъ.—Анализъ одного мѣста изъ твореній Григорія Богосл. и наши предположенія объ обстоятельствахъ составленія символа Константинопольскаго на соборѣ 381 года. 2. Изъ области благихъ желаній (*pra desideria*).— Наше главное желаніе (—нѣсколько необходимыхъ словъ по адресу протестантской науки). О символѣ Иерусалимскомъ: кто знаетъ о томъ, что кто-нибудь знаетъ символъ Иерусалимскій? неизвѣстно;—еще нѣсколько замѣчаній, относящихся къ нему же и—ликвидация (испразненіе) вопроса о символѣ Иер-скомъ.—О т. н. символѣ Епифаніевомъ (краткомъ):—когда явилось то сочиненіе св. Епифанія („Якорь“), гдѣ заключенъ этотъ символъ—въ 374 году или значительно позднѣе? Наше полное равнодушіе къ такому или другому рѣшенію этого вопроса.—Другой наиболѣе существенный вопросъ о томъ же символѣ: „опросъ“ ученыхъ,—фаланга ученыхъ дефилируетъ и авторъ съ нею,—критика мнѣній этнхъ ученыхъ (между прочимъ строки изъ стараго письма проф. В. В. Болотова †)—и самокритика;—„слона-то и не примѣтили“,—кто и чего не примѣтили?—разные искусственные опыты и простыя наблюденія надъ Епифаніевымъ символомъ, дающіе любопытные результаты;—что такое на самомъ дѣлѣ символъ Епифаніевъ?—кто виновникъ произведенія? когда оно появилось? какимъ образомъ появилось? и по какимъ побужденіямъ появилось?—похвала этому автору, если его можно назвать такимъ именемъ, за его безусловную точность, оказывающую неоцѣнимую услугу православно-богословскій наукъ;—нѣсколько свѣдѣній объ интерполяціяхъ въ древне-христіанскія времена;—ликвидация (испразненіе) вопроса о т. н. символѣ св. Епифанія.—Результаты новаго пересмотра поставленнаго нами вопроса и различія *pra desideria*).

Съ фактической стороны профессоромъ Шмидтомъ сдѣлано, кажется, все, что только можно было сдѣлать. Но есть еще область, работа въ которой ни чѣмъ не ограни-

¹⁾ Окончаніе. См. „Богосл. Вѣстникъ“, Января стр. 40—66.

чена, и которая безбрежна, какъ океанъ. Эта область гипотезъ и всяческихъ желаній — *regnum desideriorum*. Сюда мы сейчасъ вступимъ и просимъ читателя послѣдовать за нами.

1. Исслѣдователя вопроса о символѣ Константинопольскомъ, кажется, не можетъ не интересоватъ болѣе частный вопросъ: при какихъ же именно историческихъ обстоятельствахъ составленъ былъ этотъ символъ на II вселенскомъ соборѣ? Проф. Шмидтъ совсѣмъ не касается этой любопытной стороны дѣла; да что Шмидтъ? Мы даже не знаемъ—были ли когда-либо попытки со стороны ученыхъ уяснить этотъ вопросъ. Такое явленіе впрочемъ и понятно. Древніе церковные историки и св. Григорій Богословъ, самъ присутствовавшій на II вселенскомъ соборѣ и оставившій нѣсколько извѣстій объ этой порѣ его жизни, молчатъ объ обстоятельствахъ составленія символа Константинопольскаго. Но однакожь вопросъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія исслѣдователя. Единственно, что остается сдѣлать при указанныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ — это попытаться создать гипотезу, которая и пролила бы хоть какой-нибудь свѣтъ на вопросъ. Но для того, чтобы догадки не были совершенно беспочвенны и фантастичны, для этого нужно найти какое-либо свидѣтельство, на которое мы могли бы опираться, пускаясь на догадки. Такое свидѣтельство мы нашли у писателя очень авторитетнаго въ данномъ случаѣ—у Григорія Богослова. Описывая въ своихъ сочиненіяхъ то время, когда онъ былъ на соборѣ II вселенскомъ, но когда уже начались у него разногласія съ соборомъ, разногласія окончившіяся, какъ извѣстно, его увольненіемъ отъ должности архіепископа столицы и отъ званія члена собора,—такъ описывая это чреватое важными послѣдствіями время, Григорій говорилъ: „Какъ высокоудры они (т. е. члены собора) во всемъ прочемъ! Прекрасный источникъ древней вѣры, которая нѣкогда была преподана въ Никеѣ, этотъ источникъ вѣры, какъ я видѣлъ, жалкимъ образомъ возмущенъ былъ солеными потоками ученій, какія распространили люди сомнительной вѣры, которые, держась середины, принимаютъ всякое мнѣніе. И это было бы всего утѣшительнѣе, еслибы дѣйствительно держались середины, а не предавались явно противной сторонѣ.... Мы какъ-то чрезъ мѣру

человѣколюбивы. Поставили предъ алтарями проповѣдническую кафедру и всѣмъ вопиѣмъ: входи сюда кто хочетъ, хотя бы два или три раза перемѣнялъ вѣру; неразумное дѣло привязываться къ одной вѣрѣ (Никейской?), когда знаемъ, что путей жизни много. Да и кто имѣлъ силу на соборахъ?... Были на соборѣ люди, которые не охотно вошли въ собраніе; они (здѣсь, конечно, Григорій разумѣетъ лицъ, по религіозному смыслу подобныхъ ему) уловлены были двусмысленностію ученій: проповѣдуемое ими открыто, казалось (конечно, опять лицамъ, родственнымъ съ нимъ по качествамъ вѣры) исполненнымъ благочестія, какъ порожденіе вовсе непоходившее на своихъ родителей“. Затѣмъ выразивъ глубокое неудовольствіе на членовъ собора (онъ называетъ ихъ „сбродомъ хриstopродавцевъ“), Григорій пишетъ о нихъ: „имъ не нравился вводителъ новыхъ ученій (рѣчь, безъ сомнѣнія идетъ о самомъ Григоріи): такъ дерзкіе называютъ благоразумныхъ, но и они не понравились благоразумному (т. е. ему самому). И вотъ Лотъ и Авраамъ (т. е. соборъ и—онъ самъ) идутъ одинъ въ ту, а другой въ противную сторону. Скорѣе рѣки потекутъ вверхъ и огонь измѣнитъ свое обычное направленіе (вверхъ), нежели я измѣню чему-либо въ моемъ спасеніи“. Всѣ эти непріятныя вещи, о которыхъ такъ загадочно говоритъ Григорій, привели его къ слѣдующему неизмѣнному рѣшенію: „съ этого времени нога моя избѣгала вашихъ собраній, устраниаясь отъ худыхъ бесѣдъ и собраній“¹⁾.

Съ нѣкоторою вѣроятностію можно догадываться, что Григорій въ приведенномъ мѣстѣ своихъ сочиненій говоритъ объ обстоятельствахъ составленія Константинопольскаго символа. Въ самомъ дѣлѣ, въ данной тирадѣ прежде всего онъ говоритъ о какихъ-то нападкахъ на символъ Никейскій: „источникъ Никейской вѣры возмущенъ солеными (т. е. горькосолеными, подобными морскимъ) потоками ученій, какія распространяли люди сомнительной вѣры“. Нельзя ли здѣсь видѣть намекъ на то, что отцы собора, вопреки мнѣнію, господствовавшему въ кругахъ александрійскихъ богослововъ, къ каковымъ несомнѣнно принадлежалъ и Григо-

¹⁾ De vita sua. Col. 1148—1153. (Migne, tom. 37). Творен. Григорія. Рус. пер. Т. VI, стр. 59—61. Изд. 1-ое.

рѣш, — мнѣнію о неизмѣняемости текста Никейскаго символа, рѣшили исправить, пополнить, вообще подвергнуть новой редакціи этотъ символъ, составивъ какъ бы взамѣнъ его новый? Подобное рѣшеніе отцовъ едва ли могло быть удобнымъ Григорію, какъ александрійцу по направленію. И не отсюда ли происходятъ всѣ тѣ прикровенные укоры, какіе онъ выражаетъ въ данномъ случаѣ относительно отцовъ собора? Тогда же, быть можетъ, велись споры о томъ—исключить или удержать въ символѣ, столь ревностно отстаиваемое многими, выраженіе: „изъ сущности Отца“. Быть можетъ, въ тоже время имѣли мѣсто разсужденія и диспуты о томъ: какими словами изложить ученіе о Духѣ св.? и проч. Вѣдь, не могло же все это не возбуждать толковъ, говора, преній, встрѣчныхъ предложеній, отраженіемъ которыхъ, весьма возможно, и служить разсматриваемый отрывокъ изъ автобіографіи Григорія! Очень характеристичны слѣдующія затѣмъ замѣчанія Григорія: „эти епископы явно предалися противной сторонѣ“... „Всѣмъ вопіемъ: входи сюда кто хочеть, хотя бы кто два или три раза перемѣнили вѣру“... „Неблагодарное дѣло привязываться къ единой вѣрѣ“ (иронія)... „Уловлены двусмысленностію ученій, проповѣдуемое открыто казалось исполненнымъ благочестія“... Не заключаютъ ли эти строки указанія вотъ на что: составлять новые символы, какъ извѣстно, были большіе охотники аріане („противная сторона“), одинъ символъ смѣняли у нихъ другой, одни и тѣже лица подписывали то тотъ, то этотъ символъ („два или три раза перемѣняли вѣру“); они не имѣли приверженности къ какому нибудь одному символу („неблагодарное дѣло привязываться къ одной вѣрѣ“). Теперь, какъ скоро положено было на соборѣ выдать новый символъ, не должно ли было это казаться людямъ, подобнымъ Григорію, уступкой „противной сторонѣ“, неуваженіемъ къ единой вѣрѣ Никейской, представляться шаткостію принциповъ? Очень вѣроятно. Шаткость убѣжденій („двусмысленность ученій“) членовъ собора, о которой говоритъ Григорій, не заключалась ли въ томъ, что они въ одно и тоже время и крѣпко стояли за Никейскую вѣру, и водились мыслию о составленіи и провозглашеніи другого символа вѣры, какъ будто прежній недостаточенъ, не хорошо выражать вѣру. Упрекая членовъ собора въ шаткости возрѣ-

ній, Григорій замѣчаетъ, что однакожь они „уловляли“ иныхъ членовъ собора, не охотно пришедшихъ на соборъ, т. е. такихъ, которые, по его разсужденію, были твердыми въ вѣрѣ, составляли собою кругъ людей съ другими намѣреніями и стремленіями. Не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть того, что лица, отличавшіяся особенною чистотою вѣры на соборѣ, чуждыя всякихъ подозрѣній въ ученіи о Троицѣ,— что и эти лица подавали свой голосъ за провозглашеніе новаго символа, какъ желало того большинство, увлекаемая, быть можетъ доводами этого большинства? Дѣло не невозможное.—Оканчиваемъ анализъ разбираемаго мѣста изъ твореній Григорія. Онъ далѣе говоритъ, очевидно, о себѣ: „имъ не нравился вводитель новыхъ ученій (поэтическая гипербола): такъ дерзкіе называютъ благоразумныхъ, но и они не нравились благоразумному“. Здѣсь дѣло идетъ о чемъ-то столь важномъ, что въ случаѣ уступки противникамъ, онъ лишился бы, по его словамъ, самого „спасенія“. О чемъ бы могла идти рѣчь въ этихъ словахъ Григорія? Не помогутъ ли намъ въ разрѣшеніи вопроса другія свидѣтельства самого же Григорія? Отчасти, да. Въ одномъ изъ своихъ твореній, раскрывая причины, которыя привели его къ оставленію Константинопольской кафедры, онъ говоритъ: „нынѣ я возведенъ на престолъ, а наутро сводятъ меня съ престола. Въ состояніи ли кто прійскать на это хотя призрачную причину? Осмѣливаюсь сказать, Христе мой, что у меня на сердцѣ. Скажу ясно: быть можетъ, предметомъ ихъ нападеній Духъ (св.), Духъ, выслушайте это, исповѣдуемый Богомъ. Еще говорю: Ты мой Богъ. И въ третій разъ восклицаю: Духъ есть Богъ“ ¹⁾. При другомъ случаѣ тотъ же Григорій по тому же поводу говоритъ: „доселѣ ничто не приводило въ такое колебаніе цѣлую вселенную, какъ дерзновеніе, съ которымъ Духа провозглашаемъ Богомъ. Это, какъ извѣстно, и меня подвергло нерасположенію друзей“ ²⁾. Вступивъ въ область предположеній, позволимъ себѣ высказать еще догадку по поводу сейчасъ цитированныхъ словъ нашего описателя собора. Не выступалъ ли Григорій

¹⁾ Carmen de se ipso et advers. invidos. Col. 1247. (Migne, tom. 37). Творен. VI, 68.

²⁾ Carmen de se ipso. Col. 1290 (Migne, tom. 37). Твор. VI, 87.

на соборѣ, среди споровъ, съ предложеніемъ о томъ, что признавая Духа святаго Богомъ, такимъ именно наименованіемъ и надлежитъ обозначить сущность третьяго лица св. Троицы и въ символѣ. Нужда восполненія символа, по крайней мѣрѣ въ членѣ о Духѣ св., уже хорошо сознавалась въ церкви; эту мысль, какъ извѣстно, высказывалъ Василій Великій, другъ Григоріевъ, благословившій его отправиться на проповѣдь истины въ Константинополь. Не было ли на соборѣ преній касательно слововыраженія члена о Духѣ св., которымъ имѣлось въ виду пополнить символъ Никейскій? Не принималъ ли участія въ этихъ спорахъ Григорій? Не высказывалъ ли онъ, что Духа нужно славословить въ символѣ Богомъ? Не встрѣчалъ ли онъ противодѣйствія своему предложенію? Замѣчательно, что въ символѣ Константинопольскомъ Духъ св. не названъ Богомъ, хотя чистота вѣры отцовъ собора выше всякихъ сомнѣній. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Григорій дѣйствительно настаивалъ на соборѣ, чтобы положено было въ символѣ славословить Духа Богомъ, отголоскомъ чего и служатъ разсматриваемыя слова Григорія, но, какъ можно думать, не встрѣтилъ себѣ поддержки. Почему же? Можетъ быть, потому, что не хотѣли подавать повода къ бесплоднымъ спорамъ; ибо аріане упрекали православныхъ за ученіе о Божествѣ Духа св., равночестномъ съ Божествомъ Отца и Сына, въ трехълѣтіи ¹⁾. Отцы могли опасаться такихъ же споровъ, какіе вызвало послѣ I вселенскаго собора слово: „единосущный“. Могли быть и другія причины, намъ неизвѣстныя.—Замѣчательно, что хотя Григорій и пережилъ время II вселенскаго собора, но нигдѣ и никогда въ своихъ сочиненіяхъ не приводитъ символа Константинопольскаго или словъ изъ него. Принялъ ли онъ символъ этотъ? ²⁾. На наши разсужденія относительно обстоятельствъ происхожденія символа Константинопольскаго совершенно основательно замѣтятъ: все это догадки, — ги-

¹⁾ Такъ упрекали Григорія Богослова. De vita sua. Col. 1074. Творен. VI, 26.

²⁾ Къ отрицательному заключенію склоняется извѣстный канонистъ епископъ Гефеле. Conciliengesch. V. II, S. 11—12. Freiburg. 1875. При этомъ припомнимъ, приведенныя нами выше, слова Григорія: „И вотъ Лотъ и патріархъ Авраамъ идутъ одинъ въ ту, а другой въ противоположную сторону“.

потезы. Но мы и не имѣли въ виду дать ничего болѣе того ¹⁾.

2. Изъ области гипотезъ перейдемъ въ область пожеланій; это тѣмъ естественнѣе сдѣлать, что вышераскрытые нами гипотезы получаютъ свой смыслъ и значеніе только тогда, когда исполняются наши желанія, къ заявленію которыхъ и обращаемся.

Прежде всего мы желаемъ, чтобы символъ Никео-константинопольскій могъ такъ именоваться не по одному тому, что онъ есть результатъ дѣятельности двухъ соборовъ этихъ именъ; этого для насъ очень мало. Мы настойчиво хотимъ, чтобы символъ Константинопольскій былъ признанъ *непосредственнымъ преемникомъ* Никейскаго въ актѣ творчества символовъ вселенскаго значенія. Мы должны сказать, что мы нисколько не отстаиваемъ самаго наименованія: Никео-константинопольскій. Название это, не говоря о его тягучести и неблагозвучности, во 1-хъ очень поздняго происхожденія ²⁾; во 2-хъ оно искусственное. Говоримъ: искусственное: оно появилось тогда, когда символъ Никейскій, какъ таковой, вышелъ изъ церковной практики и началъ совсѣмъ забываться; поэтому, представителямъ церкви казалось не ловкимъ предавать полному забвенію „символъ исповѣдниковъ и мучениковъ“ (какъ именовали его въ IV вѣкѣ), символъ, за который готовъ былъ положить жизнь св. Афанасій Великій и который этимъ святителемъ ставился чуть ли не выше Слова Божія ³⁾, а поэтому позднѣйшіе представители церкви, выбросивъ за бортъ этотъ символъ, какъ не нужную вещь, захотѣли хоть сохранить его *имя*. Они это и сдѣлали; сначала стали въ потребныхъ случаяхъ, наприм. на соборахъ, съ именемъ двухъ символовъ—Никейскаго и Константинопольскаго возглашать лишь одинъ этотъ послѣдній, а впоследствии приклеили къ имени: *Константинопольскій* реченіе: *Никео* (Nicaeno-Constantinopolita-

¹⁾ Слич. нашу книгу: „Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ“, стр. 133—138. Изд. 2-ое. Серг. Посадъ, 1896.

²⁾ См. нашу статью въ журн. „Вѣра и Церковь“, 1899, кн. 9, стр. 564.

³⁾ Св. Афанасій говорилъ: „каждый пусть содержитъ вѣру, изложенную письменно отъ отцовъ въ Никее (символъ) и да не потерпимъ тѣхъ, которые замышляютъ нововведенія. Хотя напишутъ вамъ изреченій изъ Писаній, не потерпите написавшихъ“ (Твор. его. Перев. т. I, 411—412).

um). Sic transit gloria mundi! Но фактомъ этимъ отнюдь не слѣдуетъ соблазняться. Исторія имѣетъ свою логику и не грѣшитъ сентиментальностію.

Но необходимо точнѣе уяснить: въ чемъ заключается наше выраженное выше желаніе. Мы хотимъ, чтобы совершенно были вычеркнуты изъ исторіи символа Константинопольскаго разсужденія въ наукѣ о какихъ-то символахъ Іерусалимскомъ и т. н. Епифаніевомъ, чтобы брошено было непродуманное обыкновеніе разсматривать эти символы, какъ какія-то ступеньки, которыя будто бы прямехонько ведутъ отъ символа Никейскаго къ Константинопольскому. Мы хотимъ, чтобы утвердилось воззрѣніе, что символъ Константинопольскій возникъ прямо изъ Никейскаго, безъ допущенія „подготовительныхъ работъ“, каковыми протестантской наукѣ благоугодно считать символы Іерусалимскій и Епифаніевъ. Неужели ужъ никакъ нельзя обойтись безъ этихъ символовъ, когда рѣчь идетъ о происхожденіи символа II вселенскаго собора? Право, намъ кажется, что это не болѣе, какъ дурная привычка. Протестантскіе ученые, кажется, совсѣмъ извѣрились касательно достоинствъ древней церкви. Имъ почему-то представляется, что всѣ сколько нибудь значительныя явленія въ ней непремѣнно не самобытны. Если имъ приходится говорить о какомъ-либо значительномъ письменномъ памятникѣ древности, то ужъ они не упустятъ случая заявить, что здѣсь они видятъ ясныя будто бы слѣды заимствованія, списыванія, словомъ воровства. Хоть бы они подумали, если ни о чемъ другомъ, наприм. о Провидѣніи, то по крайней мѣрѣ о томъ, что не со вчерашняго же дня начали родиться на свѣтѣ умные люди. До какой степени низко они цѣнятъ прошедшія времена церкви, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуется знаменитое произведеніе Гарнака: о „сущности христіанства“. Если повѣрить Гарнаку, то выходитъ, что вся сущность христіанства, вся *Wesen des Christenthums* выкрадена то отсюда, то оттуда, то невѣдомо откуда. А если сущность христіанства есть плагиатъ, то что же особенно церемониться съ какимъ-нибудь символомъ Константинопольскимъ; ну конечно, и не церемонятся ученые протестанты.

Итакъ я во первыхъ желаю, что бы ученые перестали притягивать къ дѣлу символъ Іерусалимскій, когда

ведутся рѣчи о символѣ II вселенскаго собора, и вотъ почему. Символа Иерусалимскаго совсѣмъ не существуетъ. Конечно, онъ существовалъ когда-то: ни одна частная церковь не могла жить безъ символа вѣры, но въ настоящее время его нѣтъ. Символь этотъ не сохранился до насъ... Правда, въ надписаніяхъ (заголовкахъ) огласительныхъ словъ Кирилла Иерусалимскаго помѣщаются выраженія, очевидно относящіяся къ тексту символа, но если мы всѣ эти выраженія по крупницамъ соберемъ воедино, то получится въ результатѣ такой бѣдный по содержанию символъ ¹⁾, что всякія ученныя операціи надъ этимъ послѣднимъ ради символа II вселенскаго собора были бы празднымъ занятіемъ. Да еще вопросъ: кто сдѣлалъ эти надписанія? Всѣ согласны, что не Кириллъ. Но кто же? Богъ знаетъ: кто-то изъ современниковъ его или даже лицъ, жившихъ послѣ Кирилла. Да и цѣликомъ ли помѣщенъ символъ въ надписаніяхъ или нѣтъ? Никто этого не знаетъ. Спрашивается: какую научную цѣнность имѣетъ подобный символъ? Да почти никакой. Въ этомъ слишкомъ простомъ видѣ символъ Иерусалимскій протестантскими учеными и не пускается въ ходъ, при ихъ разглагольствованіяхъ о символѣ II вселенскаго собора. Что-бы имѣть подъ руками символъ Иерусалимскій пополнѣе, для этого поступаютъ такъ: текстъ символа, находящійся въ надписаніяхъ, разсиропливаютъ нѣкоторыми выраженіями изъ текста огласительныхъ словъ Кирилла. Это называется громкимъ словомъ „возстановленія“ точной редакціи символа. Но вѣдь, такой способъ возстановленія символа ни чѣмъ не отличается отъ „сочиненія“ его. И справедливо покойный профессоръ Чельцовъ говорилъ, что „такимъ путемъ можно и сочинить небывалый текстъ символа“ ²⁾. Ну и пусть сочиняютъ! Но бѣда въ томъ, что разныя лица, принимаясь за это дѣло, могутъ сочинить лишь различные символы Иерусалимской церкви. А съ этимъ самый способъ возстановленія символа теряетъ кредитъ въ глазахъ безпристрастнаго ученаго. А хуже всего то, что и въ такомъ разсиропленномъ видѣ, символъ Иерусалимскій очень мало схожъ съ Константинопольскимъ.

¹⁾ См. напримѣръ „надписанія“ въ русск. переводѣ словъ Кирилла.

²⁾ Древнія формы символа, стр. 31. С.-Петербургъ, 1869.

Шмидтъ сосчиталъ, что изъ 176 словъ Константинопольскаго символа только 38 словъ въ немъ общихъ исключительно съ Іерусалимскимъ. Послѣ этого, много ли оснований считать символъ Іерусалимскій какою-то „предварительною стадією“ въ развитіи символа Константинопольскаго? Мы уже не говоримъ о томъ, какъ нелогично отъ неизвѣстнаго, несуществующаго въ подлинной редакціи символа Іерусалимскаго, дѣлать заключенія къ точно-извѣстному, символу II вселенскаго собора.

Теперь посмотримъ: есть ли какія-либо серьезныя побужденія прилетать символъ іерусалимскій къ разсужденіямъ о происхожденіи символа Константинопольскаго? По правдѣ сказать, никакихъ. Можно указывать на то, что на II вселенскомъ соборѣ присутствовалъ Кириллъ Іерусалимскій (Сократ. V, 8). Извѣстно, что здѣсь онъ обнаружилъ себя защитникомъ „единосущія“, порвавъ какія-бы то ни было связи съ арианскимъ движеніемъ (ibid); но изъ этого факта, хотя и можно извлекать какія-либо неопредѣленныя заключенія, но рѣшительнаго — ничего, въ особенности по нашему вопросу. Другимъ побужденіемъ привлекать символъ Іерусалимскій къ исторіи Константинопольскаго символа могутъ служить слѣдующія слова извѣстнаго „Якоря“, составляющія послѣдствіе къ приводимому здѣсь т. н. Епифаніеву символу: „эта самая вѣра передана намъ отъ св. апостоловъ, и въ церкви святымъ градомъ предписана отъ всѣхъ вмѣстѣ собиравшихся въ немъ св. еписколовъ числомъ свыше 310-ти“. Здѣсь несомнѣнно какая-то путаница. Но въ этой путаницѣ обращаютъ на себя вниманіе два пункта: упоминаніе о апостолахъ и св. градѣ, а такъ какъ эти обѣ черты приличествуютъ Іерусалиму, то отсюда пожалуй можно заключать, что символъ Епифаніевъ имѣлъ какое-то отношеніе къ Іерусалиму, а слѣдовательно, возможное дѣло, и къ символу Іерусалимскому. Вотъ что могло бы служить поводомъ смотрѣть на символъ Іерусалимскій, какъ на подготовительную ступень къ Епифаніеву, а чрезъ него и къ Константинопольскому. Но оставляя въ сторонѣ замѣтку о апостолахъ, какъ очень нерѣшительную и неясную, должно сказать, что здѣсь подъ „св. городомъ“ разумѣется не Іерусалимъ, который въ IV вѣкѣ, при торжественныхъ случаяхъ назывался Эліею (7 прав. I всел. собора), а Никея, которая

сдѣлалась въ глазахъ православныхъ какъ бы священнымъ городомъ, благодаря великой славѣ I вселенскаго собора, какъ то видно изъ заключительныхъ словъ вышеприведенной тирады изъ „Якоря“. (Разумѣемъ, упоминаніе о 318 отцахъ I вселенскаго собора). Вотъ выѣшнія побужденія, могущія заставлятъ изслѣдователя Константинопольскаго символа приплетать къ своему дѣлу символъ Іерусалимскій. Какъ они не серьезны и даже ничтожны — очевидно для всякаго.

Итакъ пожелаемъ, чтобы ученые, имѣющіе заниматься изученіемъ исторіи символа Константинопольскаго, перестали привлекать символъ Іерусалимскій, въ качествѣ матеріала, къ своему дѣлу.

Пожелаемъ, чтобы такой же жребій выпалъ и на долю т. н. Епифаніева символа. Мы желаемъ, чтобы не оставалось никакихъ посредствующихъ звеньевъ между Никейскимъ и Константинопольскимъ символами; чтобы послѣдній преемствовалъ первому не только по духу ученія, но и по времени появленія, и чтобы утвердилась мысль по крайней мѣрѣ въ нашей наукѣ, что Константинопольскій символъ возникъ изъ Никейскаго, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Но возможное ли это дѣло? Протестантскіе ученые скажутъ: „сообразите—Константинопольскій символъ, пусть будетъ по вашему, обнародованъ и утвержденъ въ 381 году, а „Якорь“, гдѣ находится Епифаніевъ символъ, появился въ свѣтъ въ 374 году“. Сообразить, пожалуй, это и можно, замѣтимъ мы, но не стоитъ. На чемъ основывается увѣреніе, что „Якорь“ по своему происхожденію относится къ 374 году? На слѣдующихъ словахъ указаннаго сочиненія Епифанія (§ 120): „такъ какъ въ наше время возникли нѣкоторыя иныя однѣ послѣ другихъ ереси, т. е. со времени царей Валентиніана и Валента, въ десятый годъ ихъ царствованія и въ шестой годъ царствованія Граціана, т. е. въ девяностый годъ владычества Диоклитіанова (пояснимъ: 284—374 г.), то посему мы и вы, и всѣ православные епископы говоримъ“ (дальше слѣдуетъ т. н. длинный символъ Епифаніевъ, не входящій въ задачу нашего изслѣдованія). Безспорно въ приведенномъ мѣстѣ стоитъ опредѣленная дата: 374 годъ. Но на что она указываетъ? Не на годъ происхожденія сочиненія „Якорь“, а на время, съ котораго на-

чалось появленіе какихъ-то новыхъ ересей въ исторіи. Прочитайте это мѣсто, и вы увидите, что дѣйствительно такъ. Замѣтьте еще: здѣсь опредѣленно сказано, что съ указаннаго времени „возникли инья ереси, однѣ послѣ другихъ“; поэтому не будетъ натяжкой допускать, что между временемъ появленія въ послѣдовательномъ порядкѣ нѣкоторыхъ ересей и опубликованіемъ самой книги „Якорь“, которая не могла обойтись безъ знакомства съ этими новоявленными ересями, должно было пройти нѣсколько лѣтъ, можетъ быть даже 10 лѣтъ. А въ такомъ случаѣ сочиненіе „Якорь“ можее II вселенскаго собора, и т. н. символъ Епифаніевъ могъ попасть сюда не до, а послѣ этого собора. Положимъ, что такой выводъ мы основываемъ на нѣкоторой нескладницѣ въ изложеніи „Якоря“, но вѣдь не наше дѣло устранять ее, да мы и не знаемъ, какъ это сдѣлать.

Но пусть мы ошибаемся, не правы въ разрѣшеніи вопроса о времени происхожденія Епифаніева „Якоря“, это еще не обезоруживаетъ насъ. Мы лишь перемѣнимъ позицію, и смѣло будемъ достигать осуществленія своего желанія, чтобы наука навсегда распрощалась съ т. н. символомъ Епифанія, когда ей приходится оперировать надъ нашимъ символомъ, Константинопольскимъ. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ символъ Епифаніевъ позднѣйшею вставкою въ „Якорѣ“, утверждая, что въ первоначальной редакціи этого сочиненія совсѣмъ не существовало изучаемаго документа, по крайней мѣрѣ въ его цѣлокупности. Вставка эта могла легко произойти въ „Якорѣ“, не извращая его вида и не посягая на его содержаніе. Дѣло въ томъ, что символъ Епифаніевъ помѣщенъ здѣсь не въ самомъ сочиненіи, а въ приложеніи къ нему. Приложение къ каждой книгѣ, какъ извѣстно, отличается сравнительною подвижностію и безъ вреда для цѣлаго претерпѣваетъ разныя метаморфозы, въ особенности въ рукописяхъ (а сочиненіе „Якорь“ до изобрѣтенія книгопечатанія, конечно, оставалось манускриптомъ). Итакъ я утверждаю, что II вселенскій соборъ не только не зналъ символа Епифаніева, но и не могъ знать, потому что онъ не могъ *нигдѣ* читать своего *собственнаго* символа, ранѣе его составленія, а въ „Якорѣ“ тогда (въ 381 году) еще не находилось этого символа, хотя бы это сочиненіе уже и существовало на свѣтѣ въ это время.

Если бы нѣмцы могли читать эти строки, какъ-бы они иронически стали улыбаться и пренебрежительно пожимать плечами, но что-жь? Такова наша участь!

Объявляя символъ Епифаніевъ позднѣйшей вставкой въ „Якорѣ“, появившейся можетъ быть чрезъ *нѣсколько десятковъ лѣтъ* послѣ написанія даннаго сочиненія, мы не говоримъ какойнибудь неожиданной новости, выдуманной нами только вчера.

Что разсматриваемый символъ есть не болѣе, какъ позднѣйшая вставка въ „Якорѣ“, въ пользу этого предположенія слышались голоса и ранѣе настоящаго времени. Познакомимся съ этими голосами. Но для большей ясности послѣдующей рѣчи напомнимъ читателю, что въ „Якорѣ“ сподрядъ, но съ нѣкоторыми прелюдіями помѣщены: 1) тотъ символъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, и который мы называли и будемъ называть Епифаніевымъ и 2) другой символъ (сколько знаемъ, никогда и нигдѣ не входившій въ церковную практику и довольно нескладный)—пространный, который въ отличие отъ перваго будемъ называть: „болѣе длинный“, какъ именуютъ его нѣмцы. Читатель далѣе увидитъ любопытное явленіе: ученѣйшіе нѣмцы будутъ хранить упорное, но величественное молчаніе, а подавать голоса стануть мелкотравчатые писатели (съ точки зрѣнія нѣмцевъ), принадлежащіе къ отсталымъ (непротестантскимъ) націямъ. Но къ дѣлу.

Нѣкто итальянскій писатель Эмусъ (Emus) Франзелинъ (сред. XIX в.) писалъ: „не понимаю, почему Епифаній, дожившій до 403 года, не могъ присоединить аппендикса символовъ (т. е. приложение къ „Якорю“, въ которомъ — приложеніи — сохранился изучаемый нами символъ) къ своему сочиненію послѣ II вселенскаго собора? Ибо хронологическая дата, здѣсь встрѣчающаяся (374 г.), можетъ обозначать время появленія новыхъ ересей (для пониманія этихъ словъ просимъ перечитать выше стр. 276), а не указывать на время когда изданы два символа, изъ которыхъ одинъ тождественъ (не точно!) съ Константинопольскимъ, а другой длиннѣе его“. Разъ—голосъ.

Римскій профессоръ Винчензи (Vincensi), ученый писатель не изъ послѣднихъ, съ своей стороны, приводя рядъ доказательствъ въ ту пользу, что т. н. символъ Епифаніевъ

есть прибавка, сдѣланная позднѣе Константинопольскаго собора, но не самимъ Епифаніемъ, говорилъ: 1) „На какомъ основаніи Епифаній могъ назвать этотъ символъ Никейскимъ (см. выше), произшедшимъ отъ 310 и болѣе отцевъ (т. е. 318), такой символъ, который, какъ ему было извѣстно, не былъ произведеніемъ этихъ отцовъ, потому что ему доподлинно было извѣстно, какой именно символъ составленъ въ Никее. 2) Какъ понимать, что тотъ и другой символы, помѣщенные въ аппендиксъ „Якоря“, предписывается употреблять при крещеніи, и притомъ очень настойчиво, а между тѣмъ при крещеніи возможно было (какъ и теперь) употреблять какой-нибудь одинъ символъ, а не два другъ отъ друга различные“. Этими обоими замѣчаніями Винчензи хочеть сказать, что данные символы суть позднѣйшая вставка въ „Якорѣ“ и что эта вставка произошла отъ какой нибудь малоопытной руки, что доказывается безтолковостью дѣла, 3) Въ трактатѣ противъ духоборцевъ (Македоніанъ), въ сочиненіи того же Епифанія, подъ заглавіемъ: „Панарій“ или о ересяхъ, сочиненіи, написанномъ послѣ „Якоря“, этотъ отецъ церкви, въ борьбѣ съ указанными еретиками пользуется только Никейскимъ символомъ. Здѣсь говорится (Ересь 54, а по общему счету 64, гл. 14): „еслибы нѣкоторые изъ нихъ захотѣли сказать: мы сами исповѣдуемъ вѣру, изложенную на Никейскомъ соборѣ; покажи же на ея основаніи, что Духъ св. сопричисляется съ Божествомъ, то они окажутся изблеченными этою вѣрою. Правда тогда не было изысканія о Духѣ: что подлежитъ изслѣдованію въ извѣстное время, о томъ соборы и составляютъ твердое опредѣленіе. Впрочемъ посмотри въ самомъ неповѣданіи. Ибо прежде всего изложеніе утверждаетъ истину: *вѣруемъ во единого Бога Отца, Вседержителя*, не просто сказано вѣруемъ, но *вѣруемъ* въ Бога. *И во единого Господа І. Христа*, не просто сказано, но *вѣруемъ* въ Бога. *И въ Духа святаго*, не просто сказано, но дается разумѣть: въ три совершенныхъ, единое Божество ихъ, въ единосушіе ихъ, единое ихъ господство, что показываютъ слова: *вѣруемъ, вѣруемъ и вѣруемъ*. Симъ опровергается ихъ ученіе“. Отсюда открывается, что Епифаній даже позже составленія „Якоря“, даже тогда, когда писалъ свой Панарій зналъ лишь одинъ символъ Никейскій и имъ пользовался въ борьбѣ съ духоборцами, не смотря на несовер-

шенство раскрытія въ немъ ученія о св. Духѣ; причемъ ясно, что онъ не зналъ никакого другого символа, въ родѣ того символа, который намъ извѣстенъ теперь подъ названіемъ Епифаніева, и который безспорно могъ бы оказать существенную услугу въ полемикѣ съ аріанами духоборцами. А что Епифаній и послѣ написанія имъ „Якоря“ не имѣлъ понятія о символѣ, подобномъ Константинопольскому, который считался въ свое время выразителемъ не какаго-либо новаго, а именно Никейскаго ученія, объ этомъ онъ очень недвусмысленно даетъ разумѣть, когда онъ говоритъ, что борется съ врагами истины о Духѣ св. при помощи символа, составленнаго въ то время, въ какое еще „не было изысканія (то есть никакихъ споровъ) о Духѣ святомъ“¹⁾.

Мы должны сознаться, что цитируемый нами писатель, Винчензи принадлежитъ къ числу тенденціозныхъ изслѣдователей, направляющихъ свои сочиненія „противъ Грековъ“, т. е. греко-восточной церкви²⁾; но вѣдь, и тенденціозные авторы нѣтъ—нѣтъ, да обронятъ крупицу несомнѣнной истины. Тоже нужно утверждать и о Винчензи. Знаменитый Гарнакъ, оцѣнивая при одномъ случаѣ книгу указаннаго профессора, съ высоты своего величія (извѣстно, что нѣкоторые нѣмецкіе его критики дали ему ироническую кличку: „Его теологическое величество“ — *Majestas*) милостиво отнесся къ автору и изрекъ: *wertvoll*³⁾ („ничего, не дурно“!), оставшись доволенъ его разборомъ той части „Якоря“, гдѣ помѣщены извѣстные символы. (Съ этимъ-то разборомъ выше мы и познакомили читателя).

Третій голосъ. На этотъ разъ предоставимъ слово русскому писателю. Имѣемъ въ виду преосвящ. Іоанна (Митропольскаго), бывшаго профессора древней церковной исторіи въ одной изъ духовныхъ Академій. Онъ рассуждаетъ такъ⁴⁾:

1) Vincensi. De processione Spiritus Sancti adversus Graecos, p. 106—117. Romae, 1878. Въ этомъ же мѣстѣ книги находится и вышеприведенное мнѣніе Франзелина.

2) Въ чемъ состоитъ тенденціозность Винчензи, это было разъяснено нами въ одной нашей статьѣ. См. *Прибавлен. къ творен. св. отцовъ*, т. 28 (1881 г.), стр. 583—588.

3) Herzog-Hauck. Encyklopädie für protest. Theologie, B. VIII, S. 230. Leipzig, 1881.

4) Исторія св. вселенскихъ соборовъ. Выпускъ I, стр. 119. Москва, 1871.

„Если бы членъ вѣры о св. Духѣ въ томъ видѣ, камъ мы читаемъ его по изложенію Никео-цареградскому въ самомъ дѣлѣ былъ составленъ еще до II вселенскаго собора, то мы непременно (?) видѣли бы его въ тогдашнихъ изложеніяхъ символовъ, изложеніяхъ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, между тѣмъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ такого же полного изложенія ученія о св. Духѣ,—кромѣ какъ только въ одномъ изложеніи Епифаніевомъ? Что же это значитъ? Самъ св. Епифаній называетъ символъ, приводимый имъ въ „Якорѣ“, тотъ, который буквально (совсѣмъ не буквально!) сходенъ съ Никеоцареградскимъ, произведеніемъ отцовъ Никейскихъ; но мы знаемъ, что символъ этотъ ни по какому изданію не читался въ членѣ о св. Духѣ съ такою полнотою, какъ приводится у Епифанія; ясный знакъ, что въ своихъ словахъ Епифаній допускаетъ нѣкоторую неточность (?), приписывая Никейскому собору между прочимъ то, что было сдѣлано на другомъ соборѣ. Не больше ли будетъ вѣроятности, если предположимъ, что Епифаній подъ именемъ Никейскаго символа привелъ въ своемъ „Якорѣ“ символъ Никео-цареградскій? Извѣстно, что Епифаній пережилъ время II-го вселенскаго собора и дожилъ до V вѣка; ему не могли не быть извѣстны опредѣленія II вселенскаго собора; почему нѣтъ ничего не вѣроятнаго въ томъ предположеніи, что онъ въ своемъ „Якорѣ“ могъ помѣстить тотъ самый символъ, который былъ составленъ на II-мъ вселенскомъ соборѣ. Ежели ко времени этого собора „Якорѣ“ Епифанія былъ уже законченъ, то онъ могъ сдѣлать въ немъ измѣненіе послѣ, а могло быть и то, что это сочиненіе въ то время только составлялось, особенно послѣднія его главы, гдѣ и помѣщены символы“. Пища послѣднія слова, авторъ ничего не сказалъ о томъ, а какъ же смотрѣть на хронологическую дату: 374 года? ¹⁾

Я самъ не въ первый разъ стану ниже выражать свой

¹⁾ На стр. 118 тотъ же авторъ, разбирая мнѣніе Гефеле по интересующему насъ вопросу, приписалъ этому ученѣйшему римско-католическому епископу невозможнѣйшій абсурдъ; но Гефеле ни въ чемъ неповиненъ. Нужно было навести справки въ тѣхъ книгахъ, на которыя столь ясно ссылается Гефеле,—и тогда приписывать ему *важный недосмотръ* не было бы надобности.—Иногда приходится радоваться, что нѣмцы къ счастью не читаютъ нашихъ книгъ...

голосъ по вопросу о символѣ Епифаніевомъ. Свой голосъ я уже подавалъ еще въ 1882 году, и находилъ, что этотъ символъ есть позднѣйшая вставка. Вотъ что я говорилъ тогда. „Мы далеки отъ того, чтобы возраженія, дѣлаемые по поводу Епифаніева символа (а эти возраженія сводились къ допущенію вставки въ Якорѣ, какъ это было сдѣлано вышеупомянутымъ Винчензи) считать рѣшительными. Во всякомъ случаѣ они въ состояніи лишить гипотезу о принятіи II вселенскимъ соборомъ готоваго символа—той увѣренности, съ какою она высказывается нѣкоторыми учеными. Съ своей стороны мы желали бы (слушайте!) обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, кажется, непримѣченное другими изслѣдователями. Переходя отъ перваго символа ко второму въ „Якорѣ“ Епифаній замѣчаетъ, что такъ какъ появились новыя ереси, потребовавшія ихъ опроверженія, то и предложено другое изложеніе вѣры (т. н. длинный символъ), сдѣланное „сообразно съ вѣрою (т. е. символомъ) тѣхъ св. отцевъ (Никейскихъ), которые издали вышеприведенное изложеніе“ (т. н. Епифаніевъ символъ). Судя по этимъ словамъ, говорилъ я, можно было бы ожидать, что второй символъ въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ онъ не направленъ противъ новыхъ еретиковъ (а такими еретиками, какъ можно догадываться, были аполлинаристы и духоборцы) долженъ оставаться въ полномъ согласіи съ первымъ символомъ. Но на самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Начало втораго символа, гдѣ излагается ученіе о Отцѣ и Сынѣ Божіемъ, безо всякой видимой причины отступаетъ отъ редакціи перваго символа. Весьма характеристично то, въ чемъ заключаются эти отступленія. Именно начало втораго символа есть повтореніе не словъ перваго символа, а *Никейскаго* въ точнѣйшей его формѣ. Второй символъ начинается такъ: „Вѣруемъ во единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго; и во единого Господа I. X., Сына Божія, рожденнаго отъ (Бога) Отца, Единороднаго, то есть изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, свѣта отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, несотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго все произошло, какъ на небесахъ, такъ и на землѣ“. Не даетъ ли это наблюденіе права дѣлать такое заключеніе: между первымъ и вторымъ символомъ нѣтъ гармоніи, поэтому второй символъ предпо-

лагаеть, что на мѣстѣ перваго символа долженъ бы быть какой либо другой, съ которымъ онъ находился бы въ большемъ соотношеніи. Принимая же во вниманіе буквальное сходство начала втораго символа съ Никейскимъ символомъ въ его подлинной редакціи, можно допускать мысль, что на мѣстѣ теперешняго перваго символа „Якоря“ въ первоначальной редакціи этого сочиненія стоялъ никакой другой символъ, какъ именно *настоящій Никейскій* (bene!) ¹⁾, а впоследствии кѣмъ либо изъ писателей „Якоря“, сообразно съ потребностями времени, послѣ II вселенскаго собора, замѣненъ Константинопольскимъ (pessime!), когда этотъ сталъ распространяться, т. е. входитъ въ употребленіе болѣе и болѣе“ (*изъ исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ*“, стр. 224—225. Москва, 1882). Вотъ что мы говорили назадъ тому 20 лѣтъ. Хорошо-то оно хорошо, да не совѣмъ (какъ мы и отмѣтили это соответствующими римскими нарѣчїями). Невольно приходитъ на умъ пословица: „хорошо ты поешь, да гдѣ-то сядешь“. Ахъ, какъ легко угодить межъ двухъ стульевъ.... Но нечего излишне скромничать, вышеприведенная замѣтка во всякомъ случаѣ продвинула вопросъ впередъ...

Приведемъ еще одинъ и послѣдній голосъ. Разумѣемъ проф. В. В. Болотова († 1900). Онъ писалъ въ письмѣ ко мнѣ: „пользуюсь случаемъ обмѣняться съ вами взглядомъ по поводу стр. 224—225 вашей книги (этотъ отрывокъ приведенъ нами сейчасъ, замѣтимъ мы). Темное мѣсто у Епифанія мнѣ представляется даже еще болѣе темнымъ. Подмѣна крещальнаго символа (очевидно В. В. принялъ нашу гипотезу о подмѣнѣ Никейскаго символа Константинопольскимъ въ аппендиксѣ „Якоря“), который—кажется—имѣлъ

¹⁾ Вотъ почему т. н. символъ Епифаніевъ, столь схожій съ Константинопольскимъ, а по другимъ даже тождественный съ послѣднимъ, сопровождается въ „Якорѣ“ столь неумѣстными словами: „Эта вѣра (символь) предписана отъ всѣхъ вмѣстѣ сошедшихся святыхъ епископовъ чистомъ свыше 310“ (т. е. 318). Замѣтка эта, очевидно писанная Епифаніемъ, отнюдь не есть какъ думаютъ иногда, „неточность“, происходящая будто бы отъ какого-то смѣшенія Епифаніемъ символа Константинопольскаго съ Никейскимъ. Такого смѣшенія никто въ мѣрѣ и никогда не допускалъ, за исключеніемъ лицъ, не обладающихъ точными научными познанїями.

свойство держаться весьма стойко въ каждой мѣстной церкви, мнѣ представляется дѣломъ руки болѣе поздней, чѣмъ конецъ IV—начала V вѣка“. Письмо датировано 15-мъ іюня 1883 г. Профессоръ Болотовъ, значить тоже допуская находеніе позднѣйшей вставки въ изучаемомъ мѣстѣ Епифанія, а это только и нужно намъ въ настоящемъ случаѣ. Правда, въ 1883 г. В. В. Болотовъ принадлежалъ еще къ „начинающимъ“ профессорамъ, но письмо, на которое мы ссылаемся, представляетъ собою ученый экскурсъ, изпещренный самостоятельно добытыми цитатами. Вообще это не письмо, какія пишутся наскоро и впопыхахъ; это маленькая диссертация. Да Болотовъ ничего и никогда не писалъ, не принимая на себя всей отвѣтственности за начертанное. Еще менѣе онъ способенъ былъ кривить душой изъ—за пустой любезности ¹⁾.

¹⁾ Въ нашемъ письменномъ столѣ сохранилась цѣлая коллекція писемъ В. В. Болотова, адресованныхъ имъ мнѣ. Большая часть этихъ писемъ превосходить намного обычный вѣсъ отправляемыхъ по почтѣ посланій. Но это, конечно, мелочь. Гораздо важнѣе то, что письма эти имѣютъ 1) несомнѣнный научный, 2) біографическій для него, 3) автобіографическій для меня и 4) историческій для Петербургской Академіи интересы. Въ виду этого я намѣренъ ихъ напечатать, въ полномъ ли ихъ составѣ, или въ извлеченіяхъ или же какъ еще—этого я не рѣшилъ пока. Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для ихъ обнародованія я считаю свою автобіографію, которую я przygotowляю (въ солидныхъ размѣрахъ) по опредѣленію Совѣта Московскаго Университета, наравнѣ съ прочими профессорами онаго, по случаю предстоящаго полуторастолѣтняго юбилея указаннаго Университета. Я долженъ сказать, чуть-ли на мнѣ не лежитъ долга сдѣлать это дѣло. Оказывается, что покойный профессоръ смотрѣлъ на меня, какъ на какого-то своего душеприкащика, которому изрѣдка вѣрялъ сохраненіе своихъ идей и открытій. См. А. *Бриллиантова*. Къ характеристикѣ ученой дѣятельности В. В. Болотова, какъ церковнаго историка. „Христ. Чт.“ 1901, т. стр. 475. По словамъ названнаго автора, въ формѣ анаграммы В. В. сообщилъ мнѣ въ концѣ 80-хъ годовъ свое открытіе о томъ, что онъ допытался: кто былъ авторомъ таинственнаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ *Synodicon Lupi*, а такъ-къ онъ считалъ діакона Рустика, племянника папы Вигилія. Анаграмма (какъ это типично для В. В., который, къ нашему прискорбію, имѣлъ обыкновеніе даже очень простыя мысли облекать въ мудреныя формы; хотя, конечно, въ настоящемъ случаѣ явленіе это понятнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ), по ея расшифрованію, даетъ такой смыслъ: *Synodi Cassinensis* (это и есть *Synodicon Lupi*) *collectorem esse Rusticum, Romanae ecclesiae diaconum, puto*. Эти свѣдѣнія я беру изъ статьи г. Бриллиантова. Но у меня находится въ сохранности и то письмо, въ

Итакъ вотъ сколько голосовъ высказались за вставку у Епифанія, голосовъ сильныхъ, рѣшительныхъ и не чуждыхъ внушительности. Что касается въ частности нашего голоса, то онъ какъ будтобы на одинъ тонъ звучитъ выше другихъ. Но вотъ бѣда. Всѣ эти голоса невѣрно берутъ ноты, фальшивятъ: должно быть они плохо изучали „контрапунктъ“. А если нашъ голосъ и не слишкомъ фальшивитъ, то несомнѣнно „не доносить“: знакъ недостаточнаго умѣнья управлять своими голосовыми средствами.

Но оставимъ аллегорію.

Всѣ мы, по правдѣ сказать, слона то и „непримѣтили“.

„Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?”

— Въ кунсткамерѣ, мой другъ! часа тамъ три ходилъ;

Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,

Повѣришь ли, не станеть ни умѣнья

Пересказать тебѣ, ни силъ.

Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата!

— „А видѣлъ ли слона?“

Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?

— „Да развѣ тамъ онъ?“ — „Тамъ.“ — „Ну, братецъ, виновать:

Слона-то я и не примѣтилъ“.

Любопытный. И. А. Крылова.

Ну и мы „слона-то и не примѣтили“. Перечитали мы въ качествѣ „любопытныхъ“ людей, книги эллинскія, латинскія, новоримскія, германскія, англосакскія (да и не мы одни, а всѣ ученые всѣхъ странъ), а того, что само бросалось въ глаза, того, что само мозолило глаза, такъ-таки и не замѣтили.

Такъ называемаго символа Епифаніева и на свѣтѣ никогда не существовало. Ни одна церковь, ни сирская, ни малоазійская, ни кипрская и никакая другая въ употребленіе его не вводила и о немъ не знала. Крещальнымъ этотъ

которомъ излагается рассказанный эпизодъ: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно яснѣе, чѣмъ замѣтка г. Бриллиантова, а въ другихъ прикровеннѣе. Данное письмо занимаетъ 12 страницъ и относится къ срединѣ декабря 1889. Въ немъ прямо указанъ тотъ „случай“, по какому оно написано (о чемъ г. Бриллиантовъ умолчалъ: не напрасно ли?).

символь никогда и нигдѣ не былъ, и ни одинъ оглашенный не читалъ его при воспріятіи бани пакибытія. Наконецъ, само собою разумѣется, никто этого символа и не сочинялъ. Рѣшительно, никто! Оттого-то онъ такъ и стоитъ одиноко. Нигдѣ въ древней литературѣ ни цитируется, ни списывается въ цѣломъ или отдѣльными выраженіями. Это какой-то заброшенный сирота.

Но что же такое послѣ всего этого символъ Епифаніевъ? Метеоръ, иллюзія, оптический обманъ.

Сдѣлайте слѣдующій опытъ—и вы убѣдитесь, что это дѣйствительно такъ. Возьмите символъ Епифаніевъ, зачеркните въ немъ всѣ слова, составляющія характеристичную особенность Константинопольскаго символа, и въ результатѣ получится чистый символъ Никейскій. Провѣрьте этотъ опытъ такимъ образомъ: зачеркните въ текстѣ символа Епифаніева всѣ слова, входящія въ составъ символа Никейскаго, т. е. зачеркните въ первомъ символѣ Никейскій символъ въ томъ видѣ, какъ онъ получился у насъ въ первомъ опытѣ, и вы увидите предъ собою выраженія, составляющія по „традиціонному“ воззрѣнію, работу собора Константинопольскаго, значить что-то очень привычное и главнсе совершенно опредѣленное. Произведите еще опытъ, который впрочемъ производился тысячу разъ и который своими результатами приводилъ и приводитъ ученыхъ въ полнѣйшее недоумѣніе; зачеркните въ символѣ Епифаніевомъ всѣ тѣ слова, совокупность которыхъ составляетъ символъ Константинопольскій въ его полномъ и подлинномъ видѣ, и въ итогѣ окажутся какіе-то обрывки изъ одного Никейскаго символа, не имѣющія никакой связи между собою, ни о чемъ не говорящія уму изслѣдователя: однимъ словомъ ни два, ни полтора. Объ этой разницѣ между символами Епифаніевымъ и Константинопольскимъ много было говорено выше, а потому мы и не будемъ перечислять отрывковъ, составляющихъ избытокъ въ первомъ по сравненію съ послѣднимъ. Такихъ лишнихъ мѣстъ въ символѣ Епифаніевомъ—три.

Мыслимо ли, чтобы II вселенскій соборъ занимался такимъ пустымъ и школьническимъ дѣломъ, какъ исключеніе трехъ мѣстъ изъ т. н. символа Епифаніева? Конечно, нѣтъ. Да онъ и не могъ заниматься этимъ непроезжимымъ, отрицательнымъ дѣломъ, потому что, какъ сказано выше,

символа Епифаніева никогда не существовало и значить всякія операціи надъ нимъ были невозможны.

Съ другой стороны нѣтъ никакой возможности предполагать, какъ предполагали нѣкоторые писатели, только что перечисленные нами, что будто бы символъ Епифаніевъ есть вставка въ „Якорѣ“, проникшая туда послѣ II вселенскаго собора, и составляетъ точную редакцію Константинопольскаго символа, но—дескать, съ прибавленіями малыми. Спрашивается: откудаже взялись эти прибавленія малыя? Вѣдь, если, кому нибудь захотѣлось сдѣлать вставку въ „Якорѣ“, помѣстить въ немъ, сдѣлавшійся послѣ II вселенскаго собора крещальнымъ, символъ этого собора, то онъ и долженъ былъ вписать этотъ именно символъ букву въ букву, безъ всякихъ отступленій, Съ символомъ вселенскимъ поступать „зря“ было невозможно, переименовывать его на свой ладъ—было нельзя невѣдомому списателю. Вотъ тотъ *слонъ*, котораго и мы сами, и другіе писатели, ратовавшіе за вставку,—и „не примѣтили“.

Дѣло значить не во вставкѣ, а въ чемъ-то еще; но въ чемъ же?

Обратимся къ тѣмъ двумъ первымъ опытамъ, о которыхъ мы говорили выше. Въ первомъ опытѣ въ результатѣ—символъ Никейскій, а во второмъ—характеристическія особенности символа Константинопольскаго, въ обоихъ случаяхъ получаются такъ сказать „чистыя культуры“: или работа только Никейскаго собора или же только работа II вселенскаго собора. Значить въ символѣ Епифаніевомъ несомнѣнно находятся эти два ингредиента. Когда же и какъ они слились и составили одно цѣлое, извѣстное подъ именемъ Епифаніева символа?

Назадъ тому 20 лѣтъ мы очень вѣрно указали, что на мѣстѣ теперешняго символа Епифаніева въ „Якорѣ“ сначала находился подлинный текстъ Никейскаго символа. Это несомнительно доказыывается, не только легкостію возстановленія этого символа, въ подлинномъ видѣ, на основаніи текста т. н. символа Епифаніева; но и не разъ упомянутымъ послѣсловіемъ, сопровождающимъ его и принадлежащимъ очевидно перу автора „Якоря“: „эта самая вѣра передана намъ отъ св. апостоловъ и предписана отъ всѣхъ вмѣстѣ сошедшихся св. епископовъ, числомъ свыше 310“ (318). (По-

добное послѣсловіе, будучи присоединено къ символу Константинопольскому, если бы онъ тутъ былъ помѣщенъ въ видѣ позднѣйшей вставки, являлось бы какою-то бессмыслицей). Укажемъ также въ пользу доказываемой мысли, что вмѣсто теперешняго Епифаніева символа въ Якорѣ ранѣе находился чистый Никейскій символъ — слѣдующее: если возстановимъ этотъ символъ вышеозначеннымъ способомъ, то найдемъ въ немъ одну маленькую, но характеристическую отличающую его особенность, именно встрѣчаемъ такую разстановку словъ: „и въ святаго Духа“ (вмѣсто: и въ Духа святаго, какъ въ К—скомъ), а этого рода разстановка приведенныхъ словъ есть въ своемъ родѣшибболетъ Никейскаго текста. Разумѣется, что если бы символъ Епифаніевъ былъ позднѣйшею вставкой, долженствующей водворить въ „Якорѣ“ символъ Константинопольскій, то виновникъ вставки вписалъ бы этотъ символъ въ точной его редакціи, безъ отступленій, совершенно не нужныхъ, въ пользу текста Никейскаго.

Говоря откровенно, мы не предвидимъ никакихъ возраженій противъ сейчасъ раскрытой нами гипотезы. Но если мы и не предвидимъ ихъ со стороны, то тѣмъ не менѣе сами мы натолкнулись на одно возраженіе, которое и считаемъ необходимымъ устранить. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ возстановляемой нами по „Якорю“ Никейской редакціи символа, не обрѣтается словъ: „Бога отъ Бога“, которыя однакожъ несомнѣнно заключались въ цѣлокупномъ символѣ этого имени. Конечно, это мелочь, не стоящая вниманія, но нужно помнить, что изъ мелочей слагается и вся жизнь. А потому, скептическій и требовательный критикъ нашей гипотезы скажетъ: „а вотъ нѣтъ же въ вашей реставраціи этихъ словъ, а потому напрашивается вопросъ — да подлинно ли это редакція Никейскаго символа, когда извѣстно, что отсутствіе указанныхъ словъ составляетъ характеристическую черту другого символа, понятно — Константинопольскаго“? На вопросъ этотъ отвѣтимъ тоже вопросомъ: а подлинный или неподлинный Никейскій символъ былъ прочитанъ отъ св. отцевъ на одномъ засѣданіи Халкидонскаго собора, — символъ, въ которомъ встрѣчалось нѣсколько словъ, явно ему не принадлежащихъ? Здѣсь слова Никейскаго исповѣданія: „воплотившагося и вочеловѣчившагося“ предложены были для чтенія (да и гдѣ же? въ самомъ вѣропредѣленіи

Халкидонскомъ!) съ такими прибавленіями: „воплотившагося отъ Духа святаго и Маріи дѣвы и вочеловѣчившагося, распятаго за насъ при Понтіи Пилатѣ“; мало этого при томъ же случаѣ выраженіе Никейскаго символа: „и въ святаго Духа“ прочитано было съ прибавкой: „Господа, животоворящаго“ ¹⁾. И подобное измѣненіе произошло не на самомъ вселенскомъ Халкидонскомъ соборѣ, но можетъ быть, задолго до времени этого собора ²⁾. Теперь спрашивается: что это значитъ? Почему Никейскій символъ читался на IV вселенскомъ соборѣ съ чуждыми для него прибавками? Фактъ этотъ прежде всего свидѣтельствуетъ, что символъ Никейскій имѣлъ варианты. Интересно при этомъ отмѣтить, что на вселенскомъ Халкидонскомъ соборѣ символъ Никейскій былъ дважды прочитанъ въ слухъ всѣхъ, но прочитанъ въ неодинаковыхъ редакціяхъ: въ первый разъ ³⁾ въ древней неизмѣнной его формѣ, а второй разъ въ той формѣ, на какую мы только—что указали, въ формѣ дополненной. Такое-то явленіе встрѣчаемъ на вселенскомъ соборѣ, при самомъ торжественномъ случаѣ, и однакожь оно, повидимому, никого не удивило—ни многочисленныхъ членовъ собора, ни нотаріевъ, составлявшихъ окончательную редакцію протоколовъ (дѣяній) Халкидонскаго собора. Само собою понятно, что если символъ Никейскій не отличался закамѣньюю устойчивостію, но допускалъ вставки, неизвѣстно какъ происшедшія, то нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ могъ допускать и сокращенія въ своемъ текстѣ, при такихъ же неизвѣстныхъ намъ условіяхъ. ⁴⁾ Такъ, вѣроятно произошло и исчезновеніе изъ символа Никейскаго, который мы воспроизводимъ на основаніи т. н. Елифаніева символа—словъ: „Бога отъ Бога“. Когда положено начало такихъ измѣненій въ Никейскомъ символѣ, мы сказать не умѣемъ. Но ничего не будетъ противоестественнаго въ предположеніи, что начало такихъ измѣненій восходитъ ко временамъ, предшествующимъ даже II-му вселенско-

1) Дѣянія всел. соборовъ, въ русск. пер. Т. IV, стр. 50. Казань, 1878.

2) См. нашу книгу: „Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ“, стр. 237—238. Слич. Дѣянія вс. соборовъ, тамъ же, стр. 35.

3) Дѣян. Всел. соборовъ. Русск. пер. Т. III, стр. 230. Казань, 1879.

4) Во многихъ редакціяхъ Ник. символа встрѣчаемъ пропускъ слова: „созданъ“ (*κτιστόν*).

му собору ¹⁾. Примѣръ: опущеніе словъ: „Бога отъ Бога“ въ реставрируемой нами редакціи Никейскаго собора. Не случайное же явленіе—пропускъ здѣсь этихъ словъ? Мы увѣрены, что II вселенскій соборъ, оперируя извѣстнымъ образомъ надъ символомъ Никейскимъ, уже вѣдалъ о существованіи на свѣтѣ подобныхъ измѣненій въ текстѣ Никейскомъ и принималъ ихъ, можетъ быть не только къ свѣдѣнію, но и руководствовался ими въ своей дѣятельности. Впрочемъ, повторяемъ: вопросъ о словахъ: „Бога отъ Бога“—мелочь. Пусть они отсутствуютъ въ нашей редакціи по неизвѣстной причинѣ, — все же эта редакція остается дѣйствительнымъ символомъ Никейскимъ!

Обращаемся къ важнѣйшему вопросу о томъ, при какихъ обстоятельствахъ и въ какое время второй, указанный нами, ингредиентъ т. в. Епифаніева символа, привзошелъ и соединился съ первымъ, т. е. дѣйствительнымъ Никейскимъ символомъ, послѣ чего и образовался тотъ кунштштюкъ (это самое подходящее названіе для разсматриваемаго продукта), который, къ истинному соблазну многихъ сталъ извѣстенъ съ именемъ Епифаніева символа. Говоримъ, какъ само по себѣ понятно, объ ингредиентѣ, какимъ являются въ этомъ послѣднемъ символѣ — характеристическія выраженія, составляющія самое существо Константинопольскаго символа. Мы глубоко убѣждены, что второй ингредиентъ соединился съ первымъ очень простымъ способомъ — путемъ незамысловатой интерполяціи (*interpolatio*). Но сначала скажемъ нѣсколько словъ о времени предполагаемой интерполяціи. Интерполяція эта, какъ мы думаемъ, случилась не тотчасъ послѣ II вселенскаго собора, а много позднѣе, вѣроятно даже послѣ Халкидонскаго собора, на которомъ символъ Константинопольскій впервые въ исторіи появляется съ непрекаемымъ авторитетомъ символа „вселенскаго“ и послѣ котораго его церковное употребленіе быстро распространяется на Востокъ. Раньше этого времени, по моему мнѣнію, не

¹⁾ Во всякомъ случаѣ вышеуказанныя выраженія: „отъ Духа св. и Маріи Дѣвы“, „при Понтіи Пилатѣ“, весьма вѣроятно появились въ символѣ Никейскомъ задолго до III вселенскаго собора. См. нашу книгу: „Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ“, стр. 171. (Если цитируемая здѣсь выраженія: „отъ Духа св.“... „при Понтіи“ заняты не изъ символа Константинопольскаго, а именно Никейскаго, какъ нѣкоторые думаютъ).

къ чему было интерполировать Никейскій символъ въ „Якорѣ“.

Но какимъ образомъ и по какимъ побужденіямъ интерполяторъ принялъ на себя это дѣло? Въ какойнибудь изъ мѣстныхъ церквей Востока, въ которой съ давнихъ поръ для оглашенія крещаемыхъ былъ употребляемъ Никейскій символъ, мало—по малу началъ получать господство другой символъ—Константинопольскій и сдѣлался даже крещальнымъ въ этомъ районѣ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что какойнибудь туземный книгочій или же разумный писатель нашелъ нужнымъ интерполировать Никейскій символъ „Якоря“, сообщивъ ему форму Константинопольскаго. А сдѣлать это было очень не трудно. Книгочій могъ помѣстить нашъ ингредиентъ на поляхъ манускрипта въ подходящихъ мѣстахъ, отмѣтивъ куда относятся, къ какимъ словамъ Никейскаго символа отдѣльныя части нашего ингредиента; послѣ этого какимъ-либо послѣдующимъ писателемъ „Якоря“ съ поля манускрипта этотъ ингредиентъ внесенъ въ самый текстъ книги или точнѣе Никейскаго символа. Конечно, могло быть, что книгочій и самъ вписалъ отдѣльныя части ингредиента прямо въ текстъ этого послѣдняго. Столь же просто могъ произвести интерполяцію и разумный писатель (наемный или добровольный): ему стоило только внести сюда характеристическія выраженія Константинопольскаго символа—и дѣло было готово. Очень просто! Ближайшимъ поводомъ къ совершенію этого дѣла интерполяторомъ (кто бы онъ тамъ ни былъ) служило предисловіе къ Никейскому символу „Якоря“; въ немъ говорилось и настойчиво требовалось, чтобы это вѣроизложеніе употреблялось въ церкви, въ качествѣ крещальнаго, а между тѣмъ въ той странѣ, гдѣ проживалъ интерполяторъ, уже, и можетъ быть давно, означенный символъ замѣненъ былъ Константинопольскимъ въ качествѣ крещальнаго или даже всегда (насколько объ этомъ хранилась память) употреблялся при крещеніи же этотъ послѣдній символъ. Очевидно нужно было найти выходъ изъ такой коллизіи и выходъ найти было не мудрено и притомъ не посягая на цѣлость и достоинство книги. Интерполяторъ однимъ изъ тѣхъ способовъ, на которые указано нами было выше, внесъ всѣ, безъ исключенія, характеристическія особенности символа

второго вселенскаго собора или что тоже—все существо его въ текстъ Никейскаго символа въ „Якорѣ“. И такимъ образомъ получился въ результатѣ символъ Константинопольскій или говоря точнѣе очень схожій съ нимъ, настолько схожій, что даже и въ наше время люди, занимающіеся наукой, т. е. люди обязанные брать въ разчетъ при своихъ сужденіяхъ чуть не каждую букву, принимаютъ амальгаму интерполятора за символъ „тождественный“ съ Константинопольскимъ. Интерполяторъ, какъ по всему можно судить, былъ человѣкъ добросовѣстный и даже щепетильный ¹⁾ и, повидимому, благоговѣвшій предъ памятью автора „Якоря“, св. Епифанія, вслѣдствіе этого, онъ не рѣшился наложить святотатственной руки ни на одинъ штрихъ Епифаніева пера. Онъ оставилъ во всей неприкосновенности послѣсловіе, находящееся при Никейскомъ символѣ,—вполнѣ умѣстное при этомъ и нетерпимое при Константинопольскомъ символѣ, въ который теперь превратился первый,—оставилъ, не смотря на то, что интерполяторъ безъ сомнѣнія хорошо понималъ дисгармонію между новообразовавшимся символомъ и стариннымъ послѣсловіемъ. Тотъ же интерполяторъ не взялъ на себя, какъ ему казалось, дерзновенной задачи—выключить изъ новосоздаваемаго символа выраженій, которыя въ немъ остались въ качествѣ плеоназмовъ отъ утраченнаго теперь свой подлинный видъ исповѣданія 318 св. отцовъ; такихъ выраженій осталось впрочемъ немного, всего два: „то есть изъ сущности Отца“,—„какъ на небесахъ, такъ и на землѣ“. Да онъ же удержалъ здѣсь Никейское анафематство противъ Арія, совсѣмъ не идущее къ содержанію новосозданнаго символа,—Константинопольскаго по замыслу. Но прежде всего точность и послѣ всего — точность: вотъ девизъ нашего интерполятора ²⁾, уважавшаго чужой литературный трудъ.

¹⁾ Щепетильность его простиралась такъ далеко, что онъ изъ символа Константинопольскаго перенесъ въ Никейскій даже слово: „аминь“, котораго прежде не было въ этомъ послѣднемъ.

²⁾ Существованіе интерполяціи (interpolatio, по точному словозначенію:—кое-гдѣ сдѣланная перемѣна) въ древнихъ манускриптахъ дѣло общеизвѣстное. Но такъ какъ встрѣчаются люди, которые ничего не знаютъ по этому вопросу или представляютъ себѣ неясно это дѣло, то я счелъ нужнымъ написать слѣдующее примѣчаніе.—Интерполяція имѣла мѣсто

Нѣтъ слова, интерполяція, допущенная неизвѣстнымъ намъ лицомъ, надѣлала много хлопотъ. Привела и приводитъ во

въ книжномъ дѣлѣ еще древняго греко-римскаго міра. Во времена Авла Геллія (II в. по Р. Х.) копии сочиненій Virgilія разнились одна отъ другихъ почти въ каждомъ стихѣ. Въ новѣйшее время одинъ ученый сравнилъ между собою манускрипты Теренція и насчиталъ здѣсь 20,000 вариантовъ, не смотря на то, что этотъ комическій поэтъ былъ не особенно распространенъ. Въ древнехристіанскія времена книжное дѣло оставалось въ томъ же положеніи, какъ и въ языческую эпоху (см. мою статью: „Профессія церковнаго писателя и книжное дѣло въ древне-христіанское время“. *Прибавл. къ твор. св. отцевъ*, т. 41, — 1888 годъ, — стр. 240). Свящ. Писаніе В. и Н. завѣта подвергалось интерполяціямъ. Объ интерполяціяхъ въ В. Завѣтѣ можно достаточно судить по теперешнему переводу этого Завѣта, изданнаго св. Синодомъ. Всѣ интерполяціи текста LXXX-ти заключены здѣсь въ скобки (См. особенно Пятюкнижіе). (См. подробности по этому вопросу въ книгѣ проф. И. Н. Корсунскаго: *Переводъ 70-ти*, стр. 99—100. Серг. Посадъ, 1897). Въ Н. Завѣтѣ самую консервативною наукою (Рѣчь идетъ именно о такой наукѣ, а не о либеральной критикѣ Н. З.—та, отъ которой мы всячески открещиваемся и ссылаемся на ея результаты почитаемъ грѣхомъ) считается за интерполяцію между прочимъ вся 21 глава Евангелія отъ Іоанна, при чемъ допускаютъ, что стихи 1—23 написаны самимъ евангелистомъ, но прибавлены къ Евангелію послѣ, хотя и чрезвычайно рано; а что касается ст. 24—25, то думаютъ, что они составлены самимъ интерполяторомъ, приложившимъ къ концу Евангелія вышеуказанныя стихи: 1—23 (Herzog—Encycl., VII, S. 21. Léipzig, 1880). По суду даже нашей чрезчуръ осторожной науки въ первомъ посланіи Іоанна стихи 7—8 пятой главы представляютъ собою позднѣйшую вставку, отсутствіе которой въ глубокой древности подтверждается сличеніемъ манускриптовъ этого посланія. (См. нашу статью въ журн. *Вѣра и церковь*, 1900 г., т. II, стр. 435). А о церковной литературѣ древней церкви и говорить почти нѣтъ надобности: интерполяція въ этой литературѣ—дѣло обычное. Т. и. Постановленія Апостольскія составляютъ ничто иное, какъ постепенное наслоеніе однихъ интерполяцій на другія. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе VII кн. Постановленій; здѣсь курьезнѣйшимъ образомъ интерполяторъ выраженія: „пророкъ“ (кажется вездѣ) замѣнилъ выраженіемъ: „епископъ“. Посланія св. Игнатія Богоносца дошли до насъ въ трехъ редакціяхъ, при чемъ самая длинная изъ нихъ представляетъ варварскую интерполяцію. Творенія св. Кипріана испытали на себя руку интерполятора. Особенно тяжкую участь въ этомъ отношеніи потерпѣли творенія Оригена. Руфинъ дѣлаетъ такую приписку къ своему переводу одного сочиненія этого писателя: „заклинаю, чтобы никто ничего не прибавлялъ къ этому писанію, ни убавлялъ, ни вносилъ, ни перемѣнялъ“, значить, были серьезныя основанія опасаться этого (См. мою выше приводимую статью: „Профессія“ и т. д., стр. 241). Чья-то посторонняя рука, судя по нѣкоторымъ кодексамъ, прошлась по страницамъ церковной исторіи Евсевія и приукра-

большое смущеніе видныхъ представителей богословскаго міра въ Англіи, Франціи (Тильмонъ), Германіи, Итали, Норвегии (Каспари) и нашемъ отечествѣ. Въ особенности англо-германская наука послѣдней 1/4 вѣка можно сказать изъ кожи лезла, придумывая самыя странныя теоріи для объясненія факта находженія въ наличности--Константинопольскаго символа ранѣе II вселенскаго собора: въ „Якорѣ“ св. Епифанія. Интерполяторъ можно сказать на всѣхъ навелъ слѣпоту. А сколько стоить бумаги исписано было попусту, а сколько типографскихъ трудовъ и типографскихъ чернилъ брошено совсѣмъ-таки даромъ.

Но какъ ни много хлопотъ и непріятностей своимъ недуманнымъ отношеніемъ къ такому памятнику литературной дѣятельности Епифанія, какъ „Якорь“, надѣлалъ интерполяторъ новѣйшимъ ученымъ; все же это только полбѣды. Истинное несчастье случилось бы только тогда, когда интерполяторъ вздумалъ бы исправить Никейскій символъ такъ, что онъ принялъ бы вполнѣ форму Константинопольскаго символа. Тогда были бы замечены всѣ слѣды его продѣлки. И тенденціозная протестантская наука торжествовала бы и ликовала; а на долю православной науки остались бы плачь и крушеніе духа. Положеніе послѣдней было бы совершенно безвыходнымъ. И только добросовѣстность и щепетильность интерполятора предотвратили эту непоправимую бѣду. Благодаря его добросовѣстности и щепетильности, мы имѣемъ полную возможность доказать, что т. н. символъ Епифаніевъ есть произведеніе позднѣйшее II вселенскаго, а можетъ быть даже и IV вселенскаго собора. Истинно такъ!

Итакъ т. н. символъ Епифаніевъ, говоря языкомъ разговорнымъ, есть кунштшюкъ, а выражаясь языкомъ ученымъ—псевдосимволь. Читатель, будемъ съ вами отнынѣ употреблять это послѣднее выраженіе: *псевдосимволь*, когда въ часы отдыха заведемъ съ вами бесѣду объ этомъ пресловутомъ символѣ.

шала ее въ риторическомъ отношеніи. А интерполяціи въ „актахъ“ IV вселенскаго собора (См. выше Vincenzi, да и я отчасти убѣжденъ въ поврежденности этого памятника)? А столь соблазнительныя и непонятныя интерполяціи въ актахъ V-го вселенскаго собора (Слич. акты VI-го всел. собора)? Но довольно.

Помѣщаемъ текстъ трехъ символовъ для яснѣйшаго пониманія достигнутыхъ нами результатовъ.

Символь Никейскій 325 г.

Вѣруемъ во единого Бога, Отца Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго; и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія, рожденнаго отъ Отца, единороднаго, то есть изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, свѣта отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, не сотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго все произошло какъ на небѣ, такъ и на землѣ, ради насъ челоуѣковъ и ради нашего спасенія снисшедшаго и воплотившагося, вочелоуѣчившагося, страдавшаго и воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ; и въ святаго Духа.—Говорящихъ же, что было, когда не было.....

Далѣе слѣдуетъ извѣстное анаѳематствованіе, составляющее принадлежность этого символа.

Прибавки къ этому символу, сдѣланныя на II вселенскомъ соборѣ или существо Символа Константинопольскаго 381 г.

Вѣруемъ... неба и земли... прежде всѣхъ вѣковъ... съ небесъ... отъ Духа святаго и Маріи дѣвы... распятаго за насъ, при понтийскомъ Пилатѣ... и погребеннаго... по писаніямъ.. и сдѣявшаго одесную Отца и паки... со славою... Котораго царствію не будетъ конца; и въ Духа святаго, Господа, животворящаго, отъ Отца исходящаго, съ Отцемъ и Сыномъ споклонаемаго и славимаго, глаголавшаго чрезъ пророковъ, и во единую, святую, соборную и апостольскую церковь, исповѣдуемъ единокрещеніе во оставленіе грѣховъ, чаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь.

Т. н. Символь Епифаніевъ или точнѣе псевдосимволь.

(Послѣ 381 или даже 451 г.)

Вѣруемъ во единого Бога, Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимаго и невидимаго; и во единого Господа, Иисуса Христа, Сына Божія,

единароднаго, отъ Отца рожденнаго *прежде всѣхъ вѣковъ*, то есть изъ сущности Отца, свѣта отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, не-сотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго все произошло какъ на небесахъ, такъ и на землѣ, ради насъ *человѣковъ* и ради нашего спасенія снисшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Святаго и Маріи дѣвы, и вочеловѣчившагося, распятаго за насъ при *понтійскомъ Пилатѣ*, страдавшаго и погребеннаго, и воскресшаго въ третій день, по писаніямъ, и восшедшаго на небеса, и *сѣдѣющаго одесную Отца*, и *наки* грядущаго со славою судить живыхъ и мертвыхъ, Котораго царствію не будетъ конца; и въ Святаго Духа, Господа, животворящаго, отъ Отца исходящаго, съ Отцемъ и Сыномъ *споклоняемаго и сславимаго, глаголаващаго чрезъ пророковъ, во единую, святую, соборную и апостольскую церковь, исповѣдуемъ едино крещеніе во оставленіе грѣховъ, чаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь.*—Говорящихъ же, что было, когда не было... Далѣе производится анаематствованіе Никейское.

Пора подвести итоги нашимъ вышеизложеннымъ *piis de-sideratis*.

Символь Іерусалимскій въ научномъ смыслѣ есть фикція или полуфикція и не долженъ находить мѣста въ разсужденіяхъ о происхожденіи символа Константинопольскаго, потому что къ этому онъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго отношенія.

А т. н. символъ Епифаніевъ есть, если угодно, кунштюкъ, а правильнѣе: псевдосимволь. Онъ обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтѣ простой случайности, и ни для чего онъ не нуженъ. Не изъ него возникъ нашъ Константинопольскій символъ, а онъ самъ изъ этого послѣдняго. Забудемъ о немъ навсегда.

Можно допустить одно: будемъ вспоминать объ этихъ двухъ символахъ (?) при такихъ же обстоятельствахъ, при какихъ принято вспоминать о славномъ Царѣ-Горохѣ.

Горть умеръ († 1892 г.), и до него не дойдутъ свѣдѣнія о

нашемъ мнѣніи относительно сейчасъ поименованныхъ символовъ ¹⁾. Иное дѣло Гарнакъ ²⁾. Вполнѣ возможно, что онъ прочтетъ нашу работу: онъ прекрасно знаетъ по русски ³⁾. читалъ въ свое время нашу докторскую диссертацию ⁴⁾; а теперь, очень вѣроятно, прочтетъ и это разсужденіе и, конечно, захочетъ подать о немъ свой авторитетный голосъ. Не обольщаемъ себя надеждою, чтобы онъ одобрилъ нашу работу. Онъ презираетъ своихъ критиковъ ⁵⁾. Очень возможно, что съ высоты своего теологическаго трона, Гар-

¹⁾ Гортъ—англиканскій священникъ, а потомъ профессоръ въ Кембриджѣ и другихъ мѣстахъ, посвятившій свои дарованія изученію преимущественно христіанскихъ древностей, достигъ въ нѣкоторомъ смыслѣ канонизаціи со стороны протестантской науки: эта послѣдняя дала ему титуло: „великаго человѣка“. Nauck. Encyclopädie für protestant. Theologie. B. VIII, S. 368—370. Leipz., 1900.

²⁾ Его теорія, хотя бы онъ не были научнымъ образомъ провѣрены, находятъ себѣ быстрое распространеніе и встрѣчаются даже тамъ, гдѣ имъ быть, казалось бы, и не у мѣста. Такъ его теорія о происхожденіи символа Константинопольскаго проникла уже въ справочныя книги. Въ самомъ дѣлѣ, мы ее встрѣчаемъ у Hahn'a въ его Bibliothek der Symbole und Glaubensregeln der alten Kirche, S. 162. Ausgabe: 1897; а равно также въ церковно-историческихъ таблицахъ Weingarten'a, S. 42. Leipz. 1897.

³⁾ См. мою статью: „Сущность Христіанства по изображенію А. Гарнака“. *Богосл. Вѣстн.*, 1901 г. т. III, стр. 655.

⁴⁾ „Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ“. По прочтеніи ея, онъ милостиво кивнулъ головой въ нашу сторону, по нашихъ сужденій о символѣ Константинопольскомъ, котораго намъ здѣсь пришлось впервые коснуться, ни понять, ни оцѣнить онъ не могъ, находясь въ туманѣ, напущенномъ на него (Гарнака) упомянутымъ Гортомъ. Гарнакъ писалъ: Diese Auskunft ist zwar scharfsinnig (*merci!*), aber (но...) sie hat an keiner wirklichen Ueberlieferung einen Anhalt und von allem — das Constantinopolitanum ist eben überhaupt nicht als ein erwertertes Nicänum zu begreifen (*Theologisch. Literaturzeitung*, 1879, S. 422). А, кажется, напрасно!

⁵⁾ Теорія Гарнака о нашемъ символѣ встрѣтила себѣ многихъ критиковъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ по второстепеннымъ вопросамъ; нѣкоторые ученые тамъ же даже пытались въ очень существенныхъ отношеніяхъ видоизмѣнить его взгляды. Но тѣмъ не менѣе Гарнакъ въ третьемъ изданіи: *Encyclop. für protestant. Theologie* (B. XI. Leipz., 1901) буквально перепечаталъ здѣсь свою старую статью о символѣ Константинопольскомъ, сдѣлавъ лишь нѣсколько корректурныхъ (только?) поправокъ. А несогласныхъ съ нимъ ученыхъ, Гарнакъ едва удостоилъ двухъ—трехъ словъ каждаго въ отдѣльности. Имъ, конечно, не посчастливилось, а больше всего нашему бѣдному Шмидту. Его теологическое величество изрекъ: *dieser Versuch ist meines Erachtens gescheitert!* „Не слѣдовало ему

накъ проречеть: *dieser Versuch ist gescheitert!* „Не стоитъ вниманія!“ Пусть такъ. Но вѣдь надъ нашимъ временемъ настанетъ судъ грядущихъ поколѣнй. Вѣримъ въ наступленіе свѣтлаго будущаго.

Очень желалось бы, чтобы о нашихъ взглядахъ узналъ и проф. Шмидтъ, благодаря статьѣ котораго мы рѣшились сдѣлать новый пересмотръ вопроса о нашемъ символѣ. Но разчитывать на это очень трудно: бреславскій профессоръ, конечно, и понятія не имѣетъ о русской литературѣ. Заговоривъ о Шмидтѣ, воспользуемся этимъ удобнымъ случаемъ къ слѣдующему разъясненію: онъ и я представили одинаково православное рѣшеніе вопроса о символѣ Константинопольскомъ, но разница между его и нашимъ рѣшеніемъ во 1) та, что не взирая на единство достигаемой цѣли, мы приходимъ сюда далеко расходящимися одинъ отъ другаго путями; во 2) та, что онъ строитъ свою работу на шаблонныхъ, узко-протестантскихъ началахъ, остается вѣренъ условнымъ Горто-Гарнаковскимъ приемамъ изслѣдованія ¹⁾, а мы старались стоять на чисто эмпирической научной почвѣ, не рабствуя ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ.

Вотъ наши *ria desiderata!* Намъ скажутъ: „ваши желанія неумѣренны, нескромны“.

Можетъ быть, такъ и на самомъ дѣлѣ. Но почему же не желать большего, не желать лучшаго, чѣмъ то, что мы имѣемъ и чѣмъ живемъ?

Правда это или нѣтъ?

Мудрый Эдипъ разрѣши намъ этотъ немудрый вопросъ.

А. Лебедевъ.

приниматься не за свое дѣло“!— „Точно такъ, ваше—ство“! Отвѣтить, безъ сомнѣнія, хоръ его подчиненныхъ.

¹⁾ Гортъ, Гарнакъ и другіе изслѣдователи придавали большое значеніе счету буквъ въ томъ, другомъ, третьемъ символахъ—и сравненію между собою того и этого счета. Шмидтъ пошелъ по этой же торной дорогѣ и дошелъ до артистической виртуозности въ этомъ отношеніи. Цифирь перестрять предъ глазами со страницъ его изслѣдованія. При одномъ случаѣ, онъ серьезно ставитъ на видъ какому-то изслѣдователю символа, что этотъ послѣдній обчелся на: 1. Шмидтъ внушительно говоритъ: 88 (словъ), а не 87 (см. S. 976). Дальше этого ужъ едвали можетъ простираться цифирное упоминаніе! Да развѣ наука тоже, что и отдѣленіе контрольной палаты? Да и возможна ли статистика идей?